

А. И. Куприянов

**КАЛЕНДАРНЫЕ ПРАЗДНИКИ В БЫТУ РУССКОГО
ГОРОДСКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Праздники, являясь наиболее древним и постоянно воспроизводимым элементом культуры, всегда играли и играют значительную роль в жизни общества. Они были и до сих пор остаются важным средством не только отдыха, общения и развлечения, но и формирования и утверждения общности людей, выполняют функцию социализации человека¹. Поэтому к праздникам привлечено внимание этнографов, фольклористов, искусствоведов, театроведов, философов, социологов, а также представителей некоторых других гуманитарных дисциплин. Признавая важность искусствоведческих, литературоведческих, эстетических исследований праздника, нельзя не согласиться с мнением С. А. Токарева, что «только под историческим углом зрения может быть понята сама сущность праздника как такового, сама идея праздника»².

Цель данной работы — показать общую картину бытования календарных обычаев и обрядов у русских горожан такого специфичного региона, каким являлась Западная Сибирь в период позднего феодализма. Западносибирский город возник при освоении русскими данного региона. Генетически он был связан с русским городом Европейской России, но по сравнению с ним имел некоторые особенности (малочисленность дворянства и отсутствие органов сословного управления этого класса, относительно пестрая конфессиональная ситуация в ряде городов, многонациональный состав населения, большинство которого составляли русские, наличие среди жителей ссыльных, отдаленность от центра страны). Изучение календарных праздников в быту западносибирских горожан позволит лучше понять закономерности функционирования и трансформации календарных обычаев и обрядов русского населения.

Одним из любимых традиционных народных праздников, связанным с земледельческим календарем и уходящим корнями в глубокую древность, были святки, продолжавшиеся с вечера 24 декабря по 6 января (все даты даны по старому стилю. — А. К.). Во время святок в городах Западной Сибири был широко распространен обычай ряжения. Сведения о ряжениях иногда попадали даже в официальные документы. Так, жандармский подполковник Кельчевский, посланный в Сибирь для расследования доносов авантюриста О. В. Горского, писал Бенкендорфу, что доносчика «весьма не любят и страшатся в Березове. Сие доказывается следующим случаем. После перевода Горского из Березова в Тару на святках рождественских прошлого 1831 г. ... сын купца Нижегородцева, замаскировавшись, надел платье и принял позитуру, скольконибудь похожую на Горского, и когда в таком виде являлся он в домах, то находившиеся в оном ахали, и неприятная весть, что Горский опять в Березове, во мгновение разнеслась по всему городу»³.

В уездных городах в святочных ряжениях участвовали все возрастные

группы сибиряков, в том числе и пожилые люди, исключая лишь старообрядцев⁴. Ряжения были характерным явлением празднования святок не только в уездных, но и в губернских городах. Историк П. А. Словцов в книге «Прогулки вокруг Тобольска в 1830 г.» утверждал, что в городе от Рождества до крещенского Сочельника среди жителей принято рядиться в «маскированные костюмы» и «прохаживаться с фонарями по улицам или ездить в шутивых нарядах и входить в дома, где им не препятствуют»⁵. Вероятно, домохозяев, которые отказывались принимать ряженных, было мало не только в первой трети XIX в., но и спустя 30 лет. Причем, как отмечал омский чиновник К. Губарев, «самые аристократические дома» открывались в Сибири для ряженных, «между которыми часто появляются лакеи, горничные и кухарки и интригуют своих господ»⁶. О популярности ряженных среди чиновничьей верхушки свидетельствует и письмо дочери тобольского губернского прокурора М. Д. Францевой, которая 11 февраля 1849 г. сообщала Н. Д. Фонвизинной о святках, проведенных ею в Омске: «Во время святок я три раза маскеровалась, нас ездила большая компания, у многих мы были, в некоторых местах танцевали, были у Шрама (директор кадетского корпуса — А. К.) и встретили там князя (генерал-губернатор Западной Сибири П. Д. Горчаков — А. К.), он старался очень, чтоб нас узнать, но однако ж не успел в этом»⁷.

Посещение домов ряженными было желанным событием праздничного досуга горожан. Так, известный сибирский писатель П. П. Ершов 7 января 1845 г. с огорчением писал другу в Петербург, что в течение «маскарадных вечеров было у меня масок до тридцати. Между тем как в старом нашем доме я их считал сотнями»⁸. В середине XIX в. не только в губернских, но и в уездных городах в домах зажиточных горожан во время святочных ночей бывали сотни ряженных, которых угощали «вдоволь»⁹.

В известных нам источниках первой половины XIX в. нет никаких упоминаний о магическом значении обходов дворов ряженными. К середине XIX в. карнавальным элементом святочных ряжений по сравнению с началом века заметно усилился. Это, в частности, проявилось в том, что ряженные разъезжали, как правило, большими группами вместе с музыкантами. В 1858 г. один из наблюдателей писал, что спрос на музыкантов в эти дни превышал предложение¹⁰. Среди различных святочных сценок у городского «простонародья» неизменным успехом, как и по всей России¹¹, пользовалась популярная народно-драматическая игра «Лодка», которую часто исполняли солдаты¹².

В городах Западной Сибири на Рождестве было достаточно широко распространено колядование (славление). Обычай «славить» на Рождество и прием славильщиков были для многих горожан всех социальных групп самым примечательным событием первого дня святок. 12-летний К. Знаменский, которому Рождество 1854 г. пришлось встретить в дороге, с огорчением записал в путевом дневнике: «сегодняшнего дня было Рождество, я все думал, что вот в г. Омске сейчас благовестят к обедне, и представлял себе, что у нас сию минуту славят мальчишки, и для меня очень неприятно, что праздник провожу в дороге...»¹³. Среди горожан, принимавших на Рождество славильщиков, были и некоторые ссыльные декабристы¹⁴.

В литературе отмечалось, что в большинстве описаний праздничных обходов дворов русских крестьян XIX в. речь идет о колядовании молодежи и детей¹⁵. В городах Западной Сибири в качестве славильщиков выступают лишь дети. Однако возможно, что в малых городах региона были и молодежные группы колядовавших, так как быт большинства жителей таких городов мало чем отличался от быта крестьян.

Новый год в первой половине XIX в. был прежде всего общественным праздником. В этот день горожане с утра посещали собор, где слушали службу «с молитвой за царя». На утреннем богослужении 1 января обычно собиралось много прихожан во главе со всем местным начальством. Затем в «благородном обществе» следовали визиты, поздравления. В губернских городах в середи-

не XIX в. было принято подносить губернатору приветственный адрес от имени городского общества¹⁶. Праздничные визиты были многочисленными и утомительными. «Несносные визиты!» — так отозвался о них священник и краевед А. И. Сулоцкий в одном из писем 1843 г.¹⁷ В середине XIX в. в Томске, а затем и в других городах Западной Сибири вошла в практику замена визитов денежными пожертвованиями в пользу приютов или учебных заведений. Каждый, кто вносил денежное пожертвование на эти цели, считался уже исполнившим «долг праздничных визитов»¹⁸. Замена праздничных визитов на Рождество, Новый год и Пасху денежными пожертвованиями приютам и учебным заведениям была прогрессивным явлением общественного быта, она освобождала горожан от утомительного и малоинтересного времяпрепровождения и вместе с тем позволяла получить некоторые средства для благотворительных целей.

Вечером 1 января давался бал (обычно у главы местной администрации). Новогодние балы иногда бывали костюмированными. Исследовательница И. Б. Маркова считает, что рождественские маскарады вошли в моду в губернских городах Сибири к середине XIX в.¹⁹ Однако в отдельных городах Западной Сибири — Омске, Тобольске и, вероятно, Барнауле маскарады были обычным явлением общественного быта чиновничества еще в конце XVIII в. Маскарады уже в то время были приурочены не только к Рождеству или Новому году, но и к некоторым другим праздникам, а иногда даже в обычные дни, например по случаю приезда в город высоких гостей²⁰. Новогодние балы часто бывали также в благородных собраниях. Так, в Томске в 1858 г. 1 января состоялся бал для «благородных», а 2 и 3 января — маскарады: второго — «вольный», а третьего — «благородный»²¹. В редких случаях, если в городе отсутствовало губернское начальство, празднование Нового года проходило у одного из чиновников, средства которого позволяли ему принять все городское «общество»²².

Помимо общественных новогодних развлечений (балов, маскарадов, любительских спектаклей) в чиновничьей среде в крупных городах края уже в 30—40-х годах XIX в. существовал обычай встречать Новый год (в ночь с 31 декабря на 1 января) в семье или в кругу друзей.

В конце 30-х — начале 40-х годов на праздновании Рождества и Нового года появилась любимая детьми лесная гостья — елка. Детские елки в это время устраивались в отдельных семьях чиновников, а также в Томском детском приюте. Первое известное нам упоминание об этой новации принадлежит Е. С. Поярковой, которая 23 января 1839 г. сообщала из Барнаула дочери и зятю в Петербург, что в сочельник она устроила елку для детей²³. Следует отметить, что елка проникла в Россию поздно. Как полагают С. А. Токарев и Т. Д. Филимонова, в 1840-х годах она была редкостью даже в Петербурге²⁴. Такое быстрое проникновение детской елки в общественный и домашний быт части западносибирских горожан произошло, очевидно, благодаря наличию среди них чиновников, которые ранее жили в Петербурге или за границей.

Встреча горожанами Нового года сопровождалась разнообразными гаданиями и разгадкой примет. Как и в других регионах проживания русского населения, в Западной Сибири наиболее популярны были гадания среди девушек. Но встречались они часто и среди других половозрастных категорий населения. Например, среди тюменского «простонародья» в этот день были распространены приметы, связанные с магией первого дня. Считалось, что если 1 января «кто поскользнувшись упадет, то в этот год непременно умрет»²⁵. Гадали не только в Новый год, но и в другие дни святок. Сроки святочных гаданий были весьма продолжительны. Один корреспондент писал из Тобольска, что «в простонародье гадают даже в крещение»²⁶.

Традиция святочных гаданий даже в середине XIX в. имела прочные корни не только в среде городского «простонародья», но и среди чиновничества. Так, в упомянутом ранее письме М. Д. Францевой к Н. Д. Фонвизинной есть интересное описание встречи нового, 1849 г., в Омске: «Новый год мы встретили

у Капустиных (семья советника Главного управления Западной Сибири, женатого на сестре Д. И. Менделеева. — А. К.), там много было гостей, для детей была елка, в продолжение вечера гадали в разные гаданья, пускали петуха и он ни к одной кучке не подошел, как только к моей, пели подблюдные песни, а мне все выпадали свадебные, так что под конец вечера надо мной стали шутить и поздравлять меня»²⁷. В целом И. Б. Маркова справедливо пишет, что святочные игры и гадания не были уже связаны у горожан с верой в их магические действия, «а сохранялись главным образом как украшения праздничных вечеров»²⁸, но, несомненно, что часть участников гаданий, особенно среди купцов, мещан, мастеровых, верила в возможность предугадать будущее.

Переплетение традиций (гадания, подблюдные песни, святочные игры) и новаций (европейские бальные танцы, елка) было характерно для празднования святок в частном быту западносибирского чиновничества. В общественном (публичном) быту «благородных» на святках, исключая религиозную сторону, имели место лишь новые формы проведения досуга — балы, маскарады, спектакли, концерты, которые давались в центрах административного управления и культурной жизни Западной Сибири с конца XVIII в. В XIX в. число общественных развлечений на святках ощутимо возросло. В обычную практику в Томбольшке и Омске вошло устройство театральных постановок силами учащихся гимназии и военно-учебных заведений, а также солдат. В Барнауле спектакли ставились горными инженерами и членами их семей²⁹. Постепенно культурно-зрелищные мероприятия распространялись и на другие города. Однако спектакли, концерты, балы и маскарады примерно до середины XIX в. охватывали главным образом лишь чиновничество и купечество. Для городского «простонародья» были доступны только представления в солдатских «театрах». Но в 1860-х годах в результате культурно-бытового развития Томска в городе появились «вольные маскарады», устраиваемые в театре на святках и масленице. В «вольных маскарадах» участвовали самые широкие слои горожан, большинство которых приходило в масках, а многие «в русских и фантастических костюмах»³⁰.

«Вольные маскарады» в Томске середины XIX в. были принципиально иным социальным явлением, чем «вольные собрания» в Омске в конце XVIII в. Круг участников омских «вольных собраний» ограничивался офицерами и гражданскими чиновниками. Билет (со стоимостью угощения) стоил 4 руб. 30 коп.³¹ и был недоступен большинству горожан. Если в Томске и Тобольске к середине XIX в. мы имеем дело с сословно-классовым общественным бытом, то в Омске, как и в Барнауле, даже в конце 1850-х годов общественный быт оставался строго сословным. Недвусмысленную оценку прочности сословных перегородок в Омске дал в служебной записке от 12 января 1857 г. жандармский майор Гедле, писавший, что в городе небогатое купечество не сливается с чиновничеством «по недостаточному образованию своему и средствам»³².

Любимым народным праздником была масленица. В Сибири в первой четверти XIX в. масленица праздновалась в течение всей недели, но, как отмечала Е. А. Авдеева, прекрасно знавшая городской быт того времени, «настоящее гулянье» начиналось со среды. Офицер И. Белов, служивший в Омске в 1840-х годах, отмечал, что в городе наибольшее оживление происходило в последние три дня масленицы³³. По сравнению с концом XVIII в., когда в отдельные годы, например в 1794 г. в Омске, общественные масленичные развлечения начинались даже не с понедельника, а еще с воскресенья предшествующей масленице пестрой недели³⁴, в середине XIX в. произошло существенное сокращение праздничного времени. Причем этот процесс неодинаковыми темпами проходил в крупных и малых городах. По-разному проявила себя тенденция к сокращению празднования масленицы в различных социальных слоях. Официально правительство признавало праздничными днями лишь пятницу, субботу и воскресенье сырной недели, поэтому в большей степени сокращение

празднования масленицы произошло среди лиц, состоявших на государственной службе, и в тех городах, где процент служащих был наиболее высоким³⁵.

Катания с ледяных гор, которые были характерны для празднования масленицы русскими во всех регионах страны, исключая юг России, являлись излюбленной забавой и западносибирских горожан. В Сибири широко было распространено и масленичное катание в санях — наиболее яркий общественный праздник русского города. В некоторых городах Западной Сибири были и свои, местные, особенности празднования масленицы. Так, в Томске и Тюмени наряду с традиционным катанием на лошадях (в санях или верхом) практиковались и бега, которые проводились на льду рек³⁶. В Омске масленичные катания имели свою особенность, которая, по нашим сведениям, не встречалась в других сибирских городах, — на запятках многих саней с молодыми дамами стоял «кавалер»³⁷. Эта особенность омских катаний становится понятной, если учесть, что «кавалерами» в городе были в основном молодые офицеры, стремившиеся блеснуть галантностью и рыцарскими манерами. В середине XIX в. таким образом нередко катались и молодые офицеры в Петербурге, что отразил на одном из своих полотен художник В. Ф. Тимм³⁸.

В масленичных катаниях с гор и в санях участвовали все слои русского населения — от рядовых горожан до верхушки местной бюрократии, а также жители окрестных сел. «Благородная публика» любила кататься на «катушках» (так назывались в Сибири катальные горы), но в некоторых городах, например в Омске, где были сильны сословные перегородки, она стремилась и в этом отделить себя от «простонародья». В городе в 1840-х годах «благородные» начинали кататься с 12 ч. дня и оставаться на горах после 2 ч. пополудни считалось для них неприличным³⁹. Напротив, рядовые горожане катались «во всю неделю до глубокой ночи с фонарями и плошками, а в последние дни при свете зажженных смоляных бочек»⁴⁰.

Обращает на себя внимание одна особенность масленичного катания омского «простонародья» в середине XIX в. Вопреки традиции празднования масленицы, согласно которой вечером прощенного воскресенья «катанье, как и хоровод, считалось уже неуместным: наступало время просить друг у друга прощение, начиналось заговенье на великий пост»⁴¹; жители катались с гор, по сведениям И. Белова, почти до полуночи⁴². Иным было поведение в прощенное воскресенье в уездных городах, жители которых и в 50-х годах XIX в. ездили к родным и знакомым «прощаться»⁴³. Очевидно, в Омске, а возможно и в Тобольске, Томске, Барнауле, под влиянием условий городской жизни произошло забвение не только ритуального значения масленичного катания, но и этических традиций, господствовавших в крестьянской среде.

Из архаичных черт празднования масленицы в немногих малых городах и горнозаводских поселках сохранилось катание «госпожи Масляницы». В административных центрах края — Тобольске, Томске, Омске, Барнауле — мы не встречаем никаких упоминаний об этом обычае. В этих городах нет сведений об устройстве большого масленичного экипажа. Правда, в письме воспитанника декабристов Н. С. Знаменского от 23 февраля 1854 г. говорилось об одном не вполне ясном городском развлечении в Тобольске: «А светских удовольствий не было никаких, исключая разве лодки, устроенной Свитиным, которая прогуливалась по городу, с хором музыкантов и солдат»⁴⁴. Однако характер источника не позволяет утверждать, что имел в виду корреспондент: специальный масленичный экипаж, который в Сибири часто сооружали в форме лодки, или народно-драматическую игру «Лодка».

В уездных городах Западной Сибири, по свидетельству Г. Колмогорова, сколачивали несколько саней «с верхом в виде лодки, увешанной разноцветными тканями, посредине с мачтой; на верху сажают чучела людские, иногда садятся там на колесе и сами люди». В середине карнавального экипажа находились «замаскированные», которые разъезжали по городу с песнями и музыкой. Из богатых домов им высылали водку и деньги⁴⁵. Состав участников

масленичных катаний в таких экипажах в первой половине XIX в. претерпел определенные изменения. Если в Кургане еще в 1830-х годах в катании участвовали чиновники, то в 1850-х годах лишь мещане, купцы, мастеровые⁴⁶.

В западносибирских городских масленичных катаниях в первой половине XIX в. не было каких-либо существенных различий, связанных с возрастным составом их участников. Отметим лишь, что молодые люди любили кататься не в санях, а верхом на лошади. Наблюдатели одновременно зафиксировали этот момент и в наиболее военно-бюрократическом городе Западной Сибири Омске, и в горнозаводском поселке с населением в 2,5 тыс. чел.⁴⁷ Причина такого предпочтения, отдаваемого молодежи верховой езде — желание покрасоваться, обратить на себя внимание праздничной публики, особенно девушек.

В первой половине XIX в. для большинства городских жителей Западной Сибири, судя по имеющимся в нашем распоряжении источникам, древнее магическое значение масленичного катания уже было утрачено. Катания в санях и катания с гор, утратив ритуальное значение, сохранились среди русского городского населения региона по традиции. Масленичное катание в западносибирском городе было направлено на сугубо светские цели: получить удовольствие от быстрой езды, блеснуть удалью, показать богатство экипажа и красоту упряжи. Аналогичные цели преследовали в этот период катания на масленицу и в русских городах Европейской России⁴⁸.

Специфическими чертами празднования масленицы в домашнем быту были катания с ледяных горок, которые устраивали во многих дворах, особенно там, где была молодежь. Обязательным атрибутом домашнего застолья были блины. В «благородном обществе» в середине XIX в. масленичный стол определялся современниками как «блины, поливаемые шампанским»⁴⁹. Весьма обильными были угощения гостей и в домах «простонародья», особенно среди зажиточных горожан. Общим явлением, характерным для домашнего празднования не только масленицы, но и других календарных праздников, было гостевание. В домашнем праздничном досуге важное место сохраняло родственное общение. В мещанско-разночинской среде было распространено также соседское общение. Среди чиновничества праздничные посещения сослуживцев были не менее значимы, чем прием родственников. Последнее замечание распространяется на губернские центры (Тобольск, Томск) и те города, где проживало многочисленное чиновничество (Омск, Барнаул). В этих городах круг общения благородных был значительно более дифференцированным, чем в уездных городах, чиновничество которых, как правило, совместно проводило праздничный досуг⁵⁰.

На масленицу и во время некоторых других праздников в ряде городов Западной Сибири проводились кулачные бои. Особенно популярны они были среди жителей Тюмени. Мещанин Ф. В. Бузолин писал в 1852 г., что в городе «борьба и бой кулачной есть удовольствие первое». Кулачный бой «стена на стену» начинали «малолетки», затем вступали взрослые и, наконец, даже старики⁵¹. Прочную традицию это коллективное состязание в силе и ловкости имело и в Томске, где оно было достаточно популярно и в 1860-х годах⁵². В начале XIX в. в кулачных боях участвовало большое число горожан, но примерно в середине XIX в. после запрещения этой молодецкой забавы полицией число участников сократилось. В Томске из-за полицейских запретов место боев переместилось с «песков» у Воскресенской горы в татарскую слободку. В Тюмени кулачные бои пытались запретить, как сообщил чиновник С. Сененко, «во время венгерской кампании», т. е. в 1849 г. По приказу окружного начальника бойцов поливали из пожарной трубы. Однако успеха в борьбе с этой народной традицией тюменским чиновникам добиться не удалось, кулачные бои, хотя и с меньшим размахом, продолжались и в 1860-х годах⁵³.

Кулачные бои в западносибирских городах проходили со строгим соблюдением правил: биться только кулаками, ударов по лицу избегать, «лежачего или упавшего, не бить и вообще смертельных ударов избегать и не допускать». Эти же этические принципы были характерны и для кулачных боев в городах

Европейской России⁵⁴. О популярности кулачных боев в Западной Сибири в середине XIX в. свидетельствует широкое представительство разных социальных групп горожан, участвовавших в них: мещан, купцов, цеховых, а также гимназистов старших классов.

Другая военная игра — взятие снежного городка, отмечает М. Г. Рабинович, в полном виде в XVIII — начале XX в. прослеживается только в Сибири⁵⁵. По утверждению чиновника и краеведа Г. Колмогорова, в середине XIX в. эта игра существовала во многих городах Сибири⁵⁶. Однако слова Г. Колмогорова можно отнести лишь к некоторым уездным городкам Западной Сибири, а во всех относительно крупных городах региона взятие снежного городка наблюдателями уже не фиксировалось. По-видимому, оно было вытеснено другими праздничными развлечениями.

Из весенних праздников в западносибирских городах наиболее значимой была Пасха. Кроме религиозной стороны она имела развернутую бытовую часть. Для общественного празднования Пасхи были характерны народные гуляния, непременным атрибутом которых являлись качели. В начале XIX в. в Тобольске существовало несколько разных типов качелей, от простых до весьма сложных, напоминающих современный аттракцион «колесо обозрения». Различные виды качелей были и в Томске⁵⁷. Однако более сложные аттракционы — карусели, американские горки, которые в середине XIX в. получили широкое распространение в русском городе и были известны даже в Восточной Сибири⁵⁸, в западносибирских городах еще не устраивались. В наиболее крупных городах Западной Сибири на народных гуляниях середины XIX в. выступали фокусники, акробаты, дрессировщики, шарманщики, раешники, показывавшие «виды столичных городов» и другие картинки в «подвижных панорамах или райках». Подробное описание таких райков оставил известный ученый Д. А. Ровинский: «Раек — это небольшой, аршинный во все стороны ящик с двумя увеличительными стеклами впереди. Внутри его перематывается с одного катка на другой длинная полоса с доморощенными изображениями разных городов, великих людей и событий. Зрители, „по копейке с рыла“, глядят в стекла, — раешник передвигает картинки и рассказывает присказки каждому новому номеру, часто очень замысловатые»⁵⁹. На народных гуляниях рядовые горожане играли в азартные игры: от невинных «колес фортуны», выигрышем в которых были различные сорта пряников, до преследуемой полицией азартной «орлянки». Во время народных гуляний выступали военные оркестры и хоры песенников. В Тюмени, а возможно и в некоторых других городах, на гуляниях пели и плясали ссыльные цыгане⁶⁰. Вышеуказанные игры и развлечения были общими для всех летних народных гуляний, специфически пасхальными были игры: «биться яйцами» и «катать яйца», являвшиеся непременным развлечением в течение всей Пасхи. На акварели художника Е. М. Корнеева «Праздничное гуляние в Тобольске» изображены мужчина и женщина, развлекающиеся катанием яиц, причем яйца катают на специальном лотке, края которого по бокам загнуты⁶¹.

В ряде городов Западной Сибири к середине XIX в. сложился небольшой частнопредпринимательский сектор, занимавшийся устройством популярных городских развлечений: катальных гор, качелей. Представители его, заключив с городскими властями договор, получали право возводить аттракционы и брать плату с желающих ими пользоваться. Так, в 1828 г. тарский мещанин Г. С. Тараторин заключил договор с городской ратушей на содержание «в сем 1828 году катушек и качелей на публичных местах для народного увеселения» и взял на себя обязательство «устроить прочным и хорошим расположением катушки, сколько мне заблагоразсуждено будет и содержать оные с тем, чтобы приходящим на оные для увеселения и катания жителям города Тары обид чинимо отнюдь не было»⁶².

О масштабах городских аттракционов отчасти говорят сведения о средствах, выплачиваемых предпринимателями в городскую казну. В проекте бюджета

малонаселенного Ялтуровска на 1859 г. были предусмотрены доходы 4 руб. 29 коп., которые следовало получить, как и в 1856—1858 гг., от двух качелей и балагана, выстраиваемых на Пасху, и одной катальной горы на масленицу. В 1860 г. эта статья доходов сократилась до 3 руб. 93 коп. В Тюмени в 1858 г. сбор «с мест под качели, балаганы и другие заведения для увеселения» составил 13 руб., устройство конских бегов принесло еще 12 руб. В Тобольске в том же году городские доходы пополнились 25 руб. от устройства «катушек» и 10 руб. 83 коп. с качелей и «балаганов для увеселения»⁶³.

Хотя в 1845 г. Тобольский комитет административной статистики отмечал, что «в последнее время, год от году более путешествуют в Сибирь из России эквилибристы, штукмейстеры и другие подобные лица»⁶⁴, но на народных гуляниях в малых западносибирских городах и в конце 50-х годов XIX в. странствующие артисты, акробаты, фокусники, кукольники выступали редко: артисты опасались, что в малонаселенных уездных городах выручка от представлений будет мизерна. Поэтому в таких городах на народных гуляниях в весенне-летний период качели часто были единственным общественным развлечением. Вместе с тем в среде «городского простонародья» были популярны, как и в городах Европейской России⁶⁵, городки, свайка, лапта и бабки.

В этих играх для мужчин, начинавшихся с Пасхи, участвовала молодежь и люди среднего возраста. На Пасхе были и специфические развлечения молодежи обоих полов: хороводы, круговые песни, подвижные игры⁶⁶. В городах Западной Сибири Пасха отмечалась более оживленно, чем в селе⁶⁷, этому во многом способствовали условия городской жизни — многолюдные праздничные толпы участников народных гуляний, выступления хоров музыкантов и песенников, а также профессиональных и полупрофессиональных артистов различных жанров.

Обычай праздновать приход весны 1 мая имел место в больших и малых городах Западной Сибири. 1 мая — будничный день, но в некоторых городах он праздновался с таким размахом, что чиновники не выходили на службу. Священник С. Я. Знаменский в 1841 г. сообщал Н. Д. Фонвизиной, что он хотел передать ей письмо с попутчиком, но последнему выехать из Ялтуровска удалось не сразу, поскольку «приказные все в разброде по случаю общего мирского праздника в 1-е мая, и потому (он) остался до утра за билетом»⁶⁸. Зная о популярности среди горожан этого праздника, губернское начальство иногда объявляло этот день выходным. Для празднования 1 мая были характерны загородные гуляния, однако из-за плохих погодных условий они проходили не ежегодно⁶⁹. О бытовании этого праздника в северных городах западносибирского региона сведений нет. По-видимому, этот праздник весеннего обновления природы там не отмечался, так как весна на севере приходит позже, чем в тех городах (Омск, Тобольск, Курган, Ялтуровск), где зафиксировано в источниках празднование 1 Мая.

В некоторых городах края первое загородное гуляние происходило 23 апреля в Егорьев день, считавшийся важным праздником у сельского населения⁷⁰. В начале XIX в. в Таре в этот день после обеда было народное гуляние «у часовни св. великомученика Георгия»⁷¹. Характер источника, который упоминает о гулянии, не позволяет выяснить, было ли оно связано с остатками каких-либо традиционных аграрных обрядов, отправляемых в этот день, или же его происхождение обязано лишь культуре христианского святого.

Определенное значение в праздничном календаре горожан занимал Семик, который отмечался на седьмой четверг после Пасхи. В 1850-х годах Семик праздновался не только в провинции, но и в столичных городах. В Москве в этот день устраивали народное гуляние, которое по популярности уступало Первомайскому⁷². В начале XIX в. Семик праздновался всеми слоями горожан. В Таре, например, в этот праздник было народное гуляние у кладбищенской церкви «при собрании всего начальства и всего города жительствоющих». В малых городах края, таких, как Курган, этот праздник отмечали все жители

и в начале 60-х годов XIX в.⁷³ К середине XIX в. для большинства горожан Семик превратился в веселый загородный праздник. Вместе с тем часть горожан еще выполняла в этот день некоторые обрядовые действия. В Ишиме, по свидетельству городничего К. Кувичинского, девушки и молодые люди завивали венки на березах, а на Троицу срывали их и, бросая в воду, гадали. «Если венок поплывет, по мнению их, — писал К. Кувичинский, — это предвещает благополучный год, когда же худо плывет, а тем более тонет, — то наоборот»⁷⁴.

Для одного из важнейших христианских праздников, Троицы, отмечавшейся на 50-й день после Пасхи и приходившейся на середину мая — первую половину июня, было характерно сохранение традиционных черт. Светская часть праздника обычно выносилась за пределы города, в ближайšie лесные массивы. Во многих городах троичное гуляние происходило в одном и том же месте.

В малых городах края в первой половине XIX в. среди городского «просто-народья» еще сохранялись некоторые архаичные троичко-семицкие обряды. Как показала М. М. Громыко, в XIX в. в крестьянской среде традиционные формы древних обычаев, имевших некогда обрядовый смысл, переродились или перерождались в карнавалы⁷⁵. К сожалению, в источниках, отразивших народную культуру западносибирского города, такие древние обычаи почти не встречаются. Кроме обычая завивания венков в Ишиме следует отметить интересные особенности молодежных гуляний в дни троичного цикла, которые имели место в Барнауле в середине XIX в. В Барнауле на Троицу и в Духов день «девушки и мужчины играют на несколько кругов, поют круговые песни, пляшут с березкой, которая увешена лентами, платками и конфетами». Вечером в Духов день молодежь шла к реке топить березку, с которой перед толпой плясала пожилая женщина, а девушки в это время исполняли песню «Во поле березонька стояла». На берегу реки эту же песню исполняли еще раз, после чего толкали женщину с березкой в воду на неглубокое место. Когда женщина выходила из реки, ей подносили вина и все вместе с плясками и песнями возвращались в город, где веселье продолжалось за полночь⁷⁶.

По-видимому, древние троичко-семицкие обычаи имели место не только в Ишиме, но и в других малых городах Западной Сибири, так как они сохранились в Барнауле и в горнозаводских поселках, жители которых не были связаны с сельским хозяйством и вели городской образ жизни; Троица нередко праздновалась горожанами совместно с крестьянами, что придавало загородному гулянию «наружность» сельского праздника⁷⁷; участниками троичских обрядов были женщины, которые, как правило, составляли наиболее приверженную традициям часть населения...⁷⁸

В отдельных городах народные гуляния устраивали и по другим календарным праздникам: в Духов день, в воскресенье накануне Петровского поста. В середине XIX в. социальный состав участников летних гуляний не был одинаков в разных городах. В Томске «благородная публика» почти перестала посещать гуляния в Духов день и в воскресенье накануне Петрова поста, а в Тобольске в Духов день в 1859 г., как отмечалось в одной газетной корреспонденции, «почти все наше общество и множество простого народа отправились за город, на гулянье в лагерь»⁷⁹. Во всех загородных праздничных гуляниях совместно участвовали жители обоих полов. Единственное исключение — день Рождества богородицы, который отмечался 8 сентября. Этот праздник, который зафиксирован в среде горожан Западной Сибири лишь в Ишиме, был женским. «После обеда женщины отправляются в лес, — сообщал информатор, — унося с собою вино и яичницу, и там первое выпивают, закусывая последним. Потом расходятся по домам»⁸⁰.

В заключение следует отметить, что календарные праздники в общественном и домашнем быту горожан Западной Сибири первой половины XIX в. занимали важное место, удовлетворяя потребности горожан в праздничном отдыхе и общении.

Праздничный общественный досуг состоял из двух частей: торжественной и культурно-развлекательной. Торжественная часть календарных праздников включала в себя посещение церкви, к которому в отдельных случаях добавлялся и крестный ход. Светская сторона в торжественной части традиционных календарных праздников, как правило, отсутствовала, более развернутой была культурно-развлекательная часть. Наиболее общей чертой проведения календарных праздников, как и государственных, в городах было народное гуляние.

Многие культурно-бытовые формы праздничного досуга были общими для города и для села. Это явление характерно не только для первой половины XIX в., но и для конца XIX — начала XX в.⁸¹ Домашний праздничный досуг большинства горожан Западной Сибири имел лишь незначительные отличия от домашнего досуга крестьянского населения региона. Домашнему проведению календарных праздников в большей мере, чем общественному, было присуще сохранение традиционных народных форм праздничного времяпрепровождения. Во всех слоях городского населения даже в конце рассматриваемого периода еще сохраняются некоторые традиционные обряды и обычаи, приуроченные к календарным праздникам. Однако исполнялись они, как правило, в силу привычки и носили в основном игровой, развлекательный характер. Новые формы проведения досуга (концерты, спектакли, балы, маскарады) оставались до середины XIX в. уделом военных и гражданских чиновников и верхушки купечества. В связи с тем, что в социальном составе населения Омска, Барнаула, Тобольска и Томска значительную долю составляло чиновничество, новации в проведении календарных праздников появлялись здесь раньше, а архаичные черты вытеснялись быстрее, чем в других городах Западной Сибири.

Примечания.

- ¹ Мазаев А. И. Праздник как социально-художественное явление. Опыт историко-теоретического исследования. М., 1978. С. 9.
- ² Токарев С. А. Введение // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 4.
- ³ Предтеченский А. В. О. В. Горский и его «Записка» // Воспоминания и рассказы деятелей тайных обществ 1820-х годов. М., 1933. С. 186, 187.
- ⁴ Колмогоров Г. Очерк простонародного быта в уездных городах и селах Сибири // Северная пчела. 1859. № 67. С. 265.
- ⁵ Словоцов П. А. Прогулки вокруг Тобольска в 1830 г. М., 1834. С. 18.
- ⁶ Губарев К. От Тобольска до Березова // Современник. 1863. № 2. С. 378.
- ⁷ Рукописный отдел Гос. б-ки им. Ленина (далее — РОГБЛ). Ф. 319. П. 4. Д. 37. Л. 11.
- ⁸ Ярославцев А. К. Петр Павлович Ершов. СПб., 1872. С. 109.
- ⁹ Колмогоров Г. Указ. раб. С. 265.
- ¹⁰ Ф. (Усов Ф. Н.) Известия, сообщенные из Омска // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 8. С. 86.
- ¹¹ Савушкина Н. И. Русский народный театр. М., 1976. С. 75.
- ¹² Губарев К. Указ. раб. С. 378.
- ¹³ Центральный Гос. архив литературы и искусства (далее — ЦГАЛИ). Ф. 765. Оп. 2. Д. 50. П. 70б.
- ¹⁴ Семенов С. Декабристы в Ялуторовске // Сибирский архив. 1913. № 6—8. С. 280.
- ¹⁵ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. М., 1986. С. 205.
- ¹⁶ Центральный Гос. архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов гос. управления СССР (далее — ЦГАОР). Ф. 815. Оп. 1. Д. 55, Л. 1—2.
- ¹⁷ ЦГАЛИ. Ф. 765. Оп. 1. Д. 116. Л. 28.
- ¹⁸ Государственный архив Томской обл. (далее — ГАТО). Ф. 99. Оп. 1. Д. 260. Л. 22; Ф. 125. Оп. 1. Д. 43. Л. 26, 27; Ф. 245, Оп. 1. Д. 5. Л. 90—96.
- ¹⁹ Маркова И. Б. Досуг сибирских чиновников в первой половине XIX в. // Культурно-бытовые процессы у русских Сибири XVIII—начала XX в. Новосибирск, 1985. С. 45.
- ²⁰ Коцебу А. Достопамятный год моей жизни. Ч. 1. СПб., 1879. С. 157.
- ²¹ Заангарский сибиряк. Томская современность // Томские губернские ведомости. 1858. № 2. С. 15—16.
- ²² Гос. архив Алтайского края (далее — ГААК). Ф. 163. Оп. 1. Д. 18. Л. 119об.

- ²³ Небольсин П. Заметки на пути из Петербурга в Барнаул. СПб., 1850. С. 150; ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 18. Л. 105 об., 108; РО ГБЛ. Ф. 319. П. 4. Д. 37, Л. 11.
- ²⁴ Токарев С. А., Филимонова Т. Д. Обряды и обычаи, связанные с растительностью // Календарные обычаи и обряды в странах зарубежной Европы: Исторические корни и развитие обычаев. М., 1983. С. 150.
- ²⁵ Архив геогр. о-ва (далее — АГО). Р. 61. Д. 33, Л. 30б.
- ²⁶ Тобольск. Тобольск, 6 января // Тобольские губернские ведомости. 1868. № 2.
- ²⁷ РОГБЛ, ф. 319, п. 4, д. 37, л. 11, 110б.
- ²⁸ Маркова И. Б. Указ. раб. С. 45.
- ²⁹ Замахаев С. Н., Цветаев Г. А., Историческая записка о Тобольской гимназии. Тобольск, 1889. С. 165; Золотов П. Несколько слов об Омске // Акмолинские областные ведомости. 1872. № 22. С. 5; ГААК, ф. 163, оп. 1, д. 18, л. 33, 47, 49, 50.
- ³⁰ О. П. Театр в городе Томске // Томские губернские ведомости. 1858. № 22. С. 173, 174.
- ³¹ Андреев И. Домовая летопись // Чтения в обществе истории и древностей Российских при Московском университете (ЧОИДР). М., 1870. Кн. 4. С. 130.
- ³² ЦГАОР, ф. 109, 1 экспед., 1844 г., д. 247, ч. 48 л. 7, 70б.
- ³³ Авдеева Е. Очерки масленицы в Европейской России и Сибири, в городах и деревнях // Отечественные записки. 1849. Т. 62. № 2. С. 224; Белов И. Указ. раб. С. 27.
- ³⁴ Андреев И. Указ. раб. С. 130.
- ³⁵ Рабинович М. Г. Очерки этнографии русского феодального города. Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978. С. 173.
- ³⁶ Заангарский сибиряк. Указ. раб. С. 45; Росписи доходов и расходов Тюмени на 1858 г. // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 37. С. 583.
- ³⁷ Белов И. Указ. раб. С. 28.
- ³⁸ Город глазами художников. Л., 1978. № 150.
- ³⁹ Белов И. Указ. раб. С. 29.
- ⁴⁰ Колмогоров Г. Указ. раб. С. 265.
- ⁴¹ Громыко М. М. Указ. раб. С. 252.
- ⁴² Белов И. Указ. раб. С. 29.
- ⁴³ Колмогоров Г. Указ. раб. С. 265.
- ⁴⁴ РОГБЛ, ф. 319, п. 2, д. 7, л. 20б.
- ⁴⁵ Колмогоров Г. Указ. раб. С. 265.
- ⁴⁶ Там же. С. 265; Местные известия // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 9. С. 116; Розен А. Е. Записки // Отечественные записки. 1876. № 8. С. 500, 501.
- ⁴⁷ Белов И. Указ. раб. С. 27; АГО. Р. 62. Д. 3. Л. 7.
- ⁴⁸ Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 173—174.
- ⁴⁹ Местные известия // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 9. С. 116.
- ⁵⁰ Белов И. Указ. раб. С. 16; Колмогоров Г. Указ. раб. С. 265, 266; Небольсин П. Указ. раб. С. 93; Шюц П. Письма о Сибири // Северная пчела. 1839. № 83. С. 330—331; ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 18, Л. 101 об., 102; ЦГАОР. ф. 109. 1 экспед. 1844 г., Д. 247. Ч. 48. Л. 6 об., 7.
- ⁵¹ АГО. Р. 61. Д. 33. Л. 5 об.
- ⁵² Шапков С. С. Из путевых воспоминаний // Сибирская живая старина. 1926. Вып. 7. С. 121.
- ⁵³ О. П. Кулачные бои в Томске // Томские губернские ведомости. 1858. № 27. С. 214—220; Сененко С. Из Тюмени // Тобольские губернские ведомости. 1863. № 47. С. 413.
- ⁵⁴ АГО, р. 61, д. 33, л. 5 об.; Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 160—161.
- ⁵⁵ Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 160.
- ⁵⁶ Колмогоров Г. Указ. раб. С. 265.
- ⁵⁷ См. илл.: Копылов А. Н. Очерки культурной жизни Сибири XVII— начала XIX в. Новосибирск, 1974; Заангарский сибиряк. Указ. раб. С. 45.
- ⁵⁸ Некрылова А. Ф. Русские народные городские праздники, увеселения и зрелища: Конец XVIII— начало XX века. Л., 1984. С. 22; Маркова И. Б. Указ. раб. С. 46.
- ⁵⁹ Ровинский Д. А. Русские народные картинки. Т. 5. СПб., 1881. С. 231.
- ⁶⁰ О. П. Современное известие // Томские губернские ведомости. 1858. № 15. С. 115, 116; АГО. Р. 61. Д. 33. Д. 5 об., 6.
- ⁶¹ См. илл.: Копылов А. Н. Указ. раб.
- ⁶² Гос. архив Омской области (далее — ГАОО), Ф. 384. Оп. 2. Д. 28. Л. 6.
- ⁶³ Росписи доходов и расходов города Тюмени на 1858 г. // Тобольские губернские ведомости. 1858. № 37. С. 583; Росписи доходов и расходов города Тобольска на 1858 г. // Там же. 1858. № 33. С. 535; Тобольский филиал ГАОО. Ф. 329. Оп. 550. Д. 34. Л. 32 об. 33; АГО, Р. 61, Д. 23, Л. 97 об.
- ⁶⁴ ГАОО. Ф. 3, Оп. 2. Д. 2148, Л. 581.
- ⁶⁵ Рабинович М. Г. Указ. раб. С. 167—168.
- ⁶⁶ Колмогоров Г. Указ. раб. С. 266; АГО. Р. 55, Д. 36. Л. 1 об. 2 об.; ЦГАОР. Ф. 815. Оп. 1. Д. 36. Л. 4 об., 5.
- ⁶⁷ Миненко Н. А. Досуг и развлечения у русских крестьян Западной Сибири в XVIII— первой половине XIX в. // Сов. этнография. 1979. № 6. С. 27.
- ⁶⁸ РОГБЛ. Ф. 319. П. 2. Д. 14, Л. 14.
- ⁶⁹ Ярославцев А. К. Указ. раб. С. 77; Белов И. Указ. раб. С. 78.
- ⁷⁰ Громыко М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII— первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975. С. 85.

- ⁷¹ Описание Тобольского наместничества. Новосибирск, 1982. С. 276.
⁷² Кораблев С. Московские гуляния. М., 1855. С. 43.
⁷³ АГО. Р. 61. Д. 25. Л. 19.
⁷⁴ ЦГАОР. Ф. 815. Оп. 1. Д. 36. Л. 7 об., 8.
⁷⁵ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. С. 199.
⁷⁶ ГААК. Ф. 163. Оп. 1. Д. 214. Л. 93 об., 94.
⁷⁷ АГО. Р. 61. Д. 25. Л. 19.
⁷⁸ Громыко М. М. Традиционные нормы поведения и формы общения русских крестьян XIX в. С. 122.
⁷⁹ Стар. уч. Як. Андр. Сибирская старина // Томские губернские ведомости. 1860. № 52. С. 383; Местные известия // Тобольские губернские ведомости. 1859. № 23. С. 309.
⁸⁰ ЦГАОР. Ф. 815. Оп. 1. Д. 36. Л. 7 об., 8.
⁸¹ См.: Крупянская В. Ю., Полищук Н. С. Культура и быт рабочих горнозаводского Урала (конец XIX— начало XX в.). М., 1971; Анохина Л. А., Шмелева М. Н. Быт городского населения средней полосы РСФСР в прошлом и настоящем. М., 1977.

В. П. Иванов, А. А. Трофимов

НАРОДНОЕ ИСКУССТВО ЧУВАШЕЙ: СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ И ПРОБЛЕМЫ

В наши дни, в период всестороннего совершенствования советского общества, повышения роли человеческого фактора в производстве материальных и духовных ценностей, необычайно возросло значение традиционных видов художественного творчества. «Эстетическое начало еще больше одухотворит труд, возвысит человека, украсит его быт»¹. Несмотря на бурное наступление научно-технической революции, люди со все большим интересом обращаются к истории национальной культуры, к богатейшей сокровищнице народных традиций, воплощенных в изделиях мастеров прошлого и настоящего.

Произведения народного творчества понятны и близки всем, поскольку они выполняют сегодня не только декоративно-эстетические, но и этнические функции, становясь нередко национальными символами (как, например, русские матрешки). Именно поэтому здесь интересы искусствоведов тесно переплетаются с интересами этнографов. Следовательно, и осмысление проблем современного состояния народного искусства нуждается сегодня в междисциплинарном подходе. Без этого невозможно ставить вопросы об интернациональном патриотическом воспитании подрастающего поколения, о привитии ему уважительного отношения к культуре других народов, о восстановлении и развитии забытых промыслов, возрождении исчезнувших традиций и т. д.

Вековые традиции исконного народного искусства развиваются и возрождаются сегодня как «единичными» мастерами-умельцами, так и коллективами. Тем, кто занимается традиционным искусством, кто неустанно трудится во имя его процветания, неоценимую помощь оказало известное постановление ЦК КПСС «О народных художественных промыслах» («Правда», 27 февраля 1975 г.). Устранению барьеров на пути дальнейшего развития самодельного художественного творчества должен способствовать также новый закон «Об индивидуальной трудовой деятельности» («Правда», 21 ноября 1986 г.).

Традиционное искусство любого народа — это не только коллективный творческий опыт многих поколений, но и индивидуально-специфическое сочетание трудовых навыков и творческих принципов, вкуса и миропонимания других далеких и близких народов. В этом смысле характерен пример развития чувашского народного искусства, в нем прослеживается связь эпох с различными этнокультурными традициями. Специфика традиционного искусства чувашей, его